

Fraissinet E. Первый период христианства в Японии: [Из кн.: *Le Japon. Histoire, descriptions. Rapports avec les Européens. Expédition Américaine.* Paris, 1853] / Пер. В. Л. Тихомирова; примеч. Л. А. Тихомирова // Богословский вестник 1905. Т. 1. № 2. С. 342–370 (2-я пагин.).

ПЕРВЫЙ ПЕРИОДЪ ХРИСТИАНСТВА ВЪ ЯПОНИИ.

Мужество японскихъ женщинъ.

Въ концѣ весны этого же 1597 года умеръ епископъ Японіи. На пути въ Макао онъ захватилъ лихорадку, отъ которой и скончался. Людовикъ Серкейра, заранѣе назначенный папой ему въ преемники, выѣхалъ въ свою епархію.

Побужденный воспоминаніемъ объ испанскомъ капитанѣ, Тайко издалъ въ Мартѣ мѣсяцѣ эдиктъ. Онъ приказывалъ губернатору Нагасаки собрать всѣхъ монаховъ Общества Іисуса какъ находящихся въ этомъ городѣ, такъ и разсѣянныхъ по всей Японіи и отправить ихъ съ первымъ кораблемъ въ Китай. Въ Нагасаки же оставить только отца Жуана Родригеца съ двумя, или тремя священниками для нуждъ Португальцевъ.

Спустя шесть мѣсяцевъ, 7 Сентября 1598 года, Императоръ умеръ, имѣя шестьдесятъ четыре года отъ роду, и былъ причисленъ къ Kami подъ именемъ *Сьѣихасиманъ*, какъ новый богъ войны.

Онъ оставилъ наслѣдникомъ маленькаго сына подѣ опекой регентши. Миссіонеры и христіане возимѣли нѣкоторую надежду, но имъ настоятельно рекомендовали не радоваться слишкомъ явно смерти Сьѣгуна, хотя оба регента и обѣщали имъ поддержку. На ихъ взглядъ Японіи грозила опасность со стороны испанскаго короля и спасеніе отечества превозмогло въ ихъ сердцѣхъ, какъ это было и у Тайко, симпатію къ высокому ученію и благочестивымъ людямъ.

Тѣмъ не менѣе, со смерти этого великаго государя, то есть съ 1598 по 1599 годъ отцы Іезуиты окрестили въ Япо-

ни еще болѣе сорока тысячъ человекъ, а въ 1600 году болѣе тридцати тысячъ, хотя духовенства было только девять человекъ; когда же изъ Индіи прибыли въ этомъ году еще двѣнадцать, то ими было выстроено пятьдесятъ церквей.

Въ 1603 году въ Имперіи насчитывалось сто двадцать девять отцовъ Общества Іисуса; пятьдесятъ три священника, шестьдесятъ шесть послушниковъ, два дома и девятнадцать резиденцій.

Въ это время были обезглавлены двое японскихъ вельможъ изъ королевства Хинго, такъ какъ они не соглашались даже скрывать свою вѣру. Это были храбрые и искусные вожди. Просто невѣроятенъ рассказъ о тѣхъ искушеніяхъ, какимъ подвергалась ихъ твердость. Родные, друзья, слава, почести, санъ—всѣмъ пренебрегли эти мужественные воины Царства Небснаго.

Три благородныхъ дамы—мать одного изъ нихъ и ихъ супруги, умерли на крестахъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи смертельнаго удара. Герои назывались Донъ-Жуанъ и Донъ-Симонъ. Сынъ послѣдняго умеръ со своей матерью. Материнская любовь побуждала ее желать вѣчнаго блаженства своему сыну; въ неслыханной жаждѣ мученичества она говорила ему:

— „Дитя мое, тебя не пугаетъ смерть? Вотъ она совсѣмъ близко“.—„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я совсѣмъ не боюсь; я хочу умереть съ моей мамой“. Онъ висѣлъ на маленькомъ крестѣ, устремивъ на нее глаза, и она еще болѣе ободряла его, восклицая: „Сынъ мой, мы идемъ на небо; будь же мужественъ! Призови Іисуса и Марію“.—И оба вмѣстѣ повторяли:— „Iesu, Maria!“

Черезъ нѣсколько минутъ палачъ поднималъ копьѣ и бросилъ его въ сторону маленькаго Людовика. По недостатку ловкости, или желая пощадить ребенка, онъ промахнулся. Мать содрогнулась при мысли, что этотъ ударъ можетъ испугать ребенка и лишить его спасенія. Она тотчасъ закричала ему: „Людовикъ, сынъ мой, не бойся! Скажи: Iesu, Maria!“ Напутствовавшій мать священникъ поспѣшилъ къ ребенку, умоляя его оставаться твердымъ до конца.

При второмъ ударѣ мальчикъ не выказалъ никакого страха и безбоязненно встрѣтилъ его. Копьѣ пронзило его насквозь. Этимъ же копьемъ, еще теплымъ отъ крови ея сына, была

поражена мать и замолкла на вѣки. Такъ же умерла и прекрасная Агнесса, жена Донъ-Жуана.

Еясу, одинъ изъ назначенныхъ Тайко регентовъ, сталъ единственнымъ властителемъ государства и не торопился отдавать бразды правленія сыну покойнаго государя молодому Хидэ-Ёри. Онъ заставилъ Микадо дать себѣ титулъ Сьёгуна, то-есть высшее достоинство въ Японіи. Въ это время Хидэ-Ёри съ помощью матери укрылся въ крѣпости Оосака, откуда новому Императору не удавалось заставить его выйти ни подъ какимъ предлогомъ. По случаю своего высокаго назначенія онъ желалъ вызвать его, якобы для поздравительнаго визита и на семейное свиданіе, такъ какъ молодой принцъ былъ женатъ на его дочери. Но вдова Тайко безусловно воспротивилась тому, чтобы ея сынъ покинулъ крѣпость и клялась скорѣе разрѣзать ему животъ, чѣмъ допустить это. Однако всѣ ея усилія не могли вернуть сыну Имперію; войска ея покидали, не вѣря въ успѣхъ ея дѣла, и регентъ скоро сталъ полновластнымъ владыкой.

Приведемъ мимоходомъ одинъ случай, касающійся нашего разсказа и происшедшій во время союза 9 князей, побѣжденныхъ Еясу.

Въ Японіи существуетъ обычай, что жена отвѣчаетъ за своего мужа въ случаѣ нарушенія имъ основныхъ законовъ, или новыхъ постановленій; также въ случаѣ бѣгства, или отсутствія виновнаго, арестуются его родители, жены и дѣти, чтобы, зная это, бѣглецъ возвратился выручить ихъ цѣной своего наказанія.

Такимъ образомъ одному ребенку христіанину пришлось умереть за своего отца, виновнаго въ ничтожномъ воровствѣ. Этотъ проступокъ въ Японіи часто влечетъ за собою казнь.

Составивъ лигу для поддержанія правъ сына Тайко, начальники областей потребовали, чтобы всѣ Оосакскіе князья, по предписанію покойнаго Императора, покинули армію узурпатора, и заняли свой постъ возлѣ Хидэ-Ёри. Йокондоно, король Танго, не послушался этого приказа и, уѣзжая, далъ начальнику стражи приказанія относительно возможныхъ случайностей.

Сузругу короля, христіанку, звали Граціей. Она, повидимому, была красоты несравненной и не менѣе высокой до-

бродѣтели. Опасаясь, чтобы кто-нибудь не увезъ ее во время его отсутствія, и не зная сколько времени продлится походъ Еясу противъ союзныхъ правителей, король отдалъ специальное порученіе упомянутому офицеру: если бы королеву сталъ преслѣдовать какой-нибудь вельможа, или она подверглась бы опасности быть увезенной изъ Оосакскаго дворца, онъ долженъ былъ ее обезглавить, и потомъ разрѣзать себѣ животъ.

Когда Йокондоно отказался исполнить приказъ сторонниковъ молодого принца, предписывавшихъ ему покинуть армию Еясу, они потребовали отъ его дворцовой стражи выдать имъ королеву, его супругу, ссылаясь на то, что по законамъ страны, она должна отвѣчать за своего мужа. Стража отказалась повиноваться и, видя что враги грозятъ осадить замокъ, они рѣшили, что настало время исполнить приказаніе ихъ господина.

Довѣренный жестокаго супруга отправился къ прекрасной княгинѣ. Онъ передалъ ей полученный имъ приказъ, и сообщилъ обстоятельства, ускорившіе его исполненіе. Потомъ, упавъ къ ея ногамъ, онъ просилъ простить ему преступленіе, которое онъ долженъ былъ совершить, увѣряя, что искупить его немедленно своею смертью, въ чемъ и состоитъ его единственное утѣшеніе.

Королеву не смутилъ этотъ роковой приговоръ и, утѣшая горе своихъ невольныхъ палачей, она сказала имъ: „Дѣти мои, не огорчайтесь! Смерть вовсе не такое зло, котораго бы я страшилась. Напротивъ; я—христіанка, а для христіанъ смерть является лишь переходомъ въ вѣчную жизнь, которой никто не можетъ отнять у нихъ. Вы должны ее бояться, такъ какъ, умирая въ язычествѣ, вы никогда не увидите Бога и будете осуждены на вѣки. Но Богъ, вашъ Владыка, запрещаетъ вамъ покушаться на свою жизнь. Я вамъ также запрещаю это; обѣщайте, что вы послушаетесь меня и сдѣлаетесь христіанами. Тогда я умру счастливою“.

— „Государыня, отвѣчалъ ей капитанъ, я не могу жить, убивши васъ. Я никогда не прощу себѣ подобной трусости и, не мечемъ, такъ огнемъ совершу надъ собою правосудіе. Мы безконечно благодарны нашему господину за то, что онъ оказалъ намъ такую честь, позволивъ смѣшать нашу кровь съ вашей“.— „Если это такъ, замѣтила она, если вы

рѣшили умереть со мною, то примите мою вѣру“.—„Это невозможно, государыня; у насъ нѣтъ времени узнать ее, такъ какъ сейчасъ начнется осада; къ тому же вашъ законъ запрещаетъ то, что намъ повелѣваютъ сдѣлать честь и законы Японіи, и мы не сможемъ послушаться его. Мы умремъ слугами Вашего Величества, искупая смертью нанесенный вамъ ударъ“.

Видя, что никакъ не можетъ убѣдить ихъ, королева попросила дать ей нѣсколько минутъ на приготовленіе. Она удалилась въ свою молельню и, вѣлѣвъ зажечь свѣчи, помолилась; потомъ она запретила своимъ статсъ-дамамъ слѣдовать за ней въ могилу, потому, что хотѣла умереть одна, какъ приказалъ ей супругъ. Но всѣ желали непременно раздѣлить ея судьбу. Только во имя исповѣдуемой ими религіи Грація убѣдила ихъ выйти. Когда вошла стража, она опустила на колѣни и, разстегнувъ воротъ платья, со спокойнымъ и безропотнымъ взглядомъ приняла смертный ударъ. Офицеры предварительно насыпали пороха въ этой части дворца. Они покрыли тѣло убитой густымъ покрываломъ и также посыпали порохомъ.

Потомъ, считая непристойнымъ умереть на мѣстѣ, гдѣ лежалъ трупъ ихъ королевы, офицеры удалились въ другую комнату, тщательно заперли всѣ двери и, вынувъ кинжалы, распоролі себѣ животы. Одному изъ нихъ было поручено поджечь порохъ и вся эта часть дворца была обращена въ пепель.

По возвращеніи короля одинъ японскій монахъ произнесъ надгробное слово по этой принцессѣ, столь же славной своей добродѣтелью, какъ и красотой. Король и болѣе тысячи придворныхъ присутствовали на погребальныхъ обрядахъ, совершенныхъ христіанскими священниками. Такъ какъ Грація была христіанка, то ея мужъ не заказалъ никакихъ церемоній бонзамъ. Онъ выстроилъ великолѣпную церковь въ Міако и съ этихъ поръ постоянно покровительствовалъ христіанамъ.

Усиленіе гоненія и казней. Мученіе въ ямахъ.

Несдержанности и болтливости Испанцевъ суждено было замедлить и даже совсѣмъ остановить распространеніе хри-

стианства въ Японіи. Они обманывали Императора въ цѣломъ рядѣ обстоятельствъ. Такъ, не желая по чисто личнымъ соображеніямъ приставать въ портъ Кванто, они сказали въ объясненіе, будто бы онъ недоступенъ и опасенъ. Одинъ англійскій штурманъ доказалъ противное, благополучно проведя въ него судно, которое бросило якорь у Міако.

Этотъ случай, ставшій извѣстнымъ Тайко, увеличилъ его недовѣріе. Другой разъ. Еясу спросилъ у испанскихъ купцовъ, подносившихъ ему подарки, сколько судовъ прибыло изъ Новой Испаніи и что они везли? Кастильцы отвѣчали, что кораблей было чрезвычайно много и что они были нагружены оружіемъ, солдатами и боевыми припасами.

„Но какому же случаю такія военныя приготовленія?“—спросилъ Императоръ. Испанцы, желая внушить ему уваженіе къ военному могуществу своей націи, и можетъ быть, также, чтобъ отнять у Еясу всякую мысль о нападеніи на Филиппины, почти рѣшное при Тайко,—или наконецъ просто подаваясь своему характеру, отвѣчали, что все это предназначается для завоеванія Молукскихъ острововъ.

Самодержецъ призадумался надъ этимъ отвѣтомъ. Онъ вспомнилъ, какъ соотечественникъ этихъ жѣ купцовъ говорилъ его предшественнику, что въ желаніяхъ Короля Испанскаго было не столько расширеніе владычества истинной вѣры и Бога, какъ своихъ собственныхъ владѣній, и что онъ распространялъ христіанство лишь для того, чтобы пріобрѣсть себѣ союзниковъ. Встревоженный этой мыслью новый монархъ, подозрительный политикъ, немедленно же послалъ гонца съ приказомъ выслать изъ Японіи судно привезшее испанскихъ купцовъ со всѣмъ его экипажемъ и пассажирами, духовными и мірянами, не оставивъ ни одного человѣка.

Тѣмъ не менѣе новый епископъ посѣтилъ въ 1606 году Еясу, находившагося въ это время со своимъ Дворомъ въ Фузими, на разстояніи дня пути отъ Оосаки. Онъ былъ встрѣченъ съ величайшимъ почетомъ и со знаками высочайшаго вниманія, которыя Императоръ оказываетъ только самымъ близкимъ родственникамъ Микадо. Еясу приказалъ своимъ вельможамъ показать епископу великолѣпныя дворцы и крѣпости.

Въ этомъ году было крещено еще восемь тысячъ чело-

вѣкъ, не считая дѣтей. Въ Японіи было тогда двадцать четыре монаха Іезуита.

Въ 1607 году населеніе города Нагасаки состояло изъ однихъ христіанъ. Епископъ имѣлъ здѣсь свою кафедру. Онъ раздѣлилъ этотъ городъ на пять приходоу, имѣвшихъ каждый своего священника. Здѣсь находились монастырь Милосердія и больница. Такое цвѣтущее состояніе продолжалось безъ перерыва до 1611 года. Въ это время подумывали даже о томъ, чтобы просить объ отмѣнѣ эдикта Тайко.

Въ числѣ мѣръ, которыми отцы Іезуиты побуждали христіанъ къ твердости въ вѣрѣ, хотя никогда новообращенные не имѣли въ этомъ столь мало надобности, мы отмѣтимъ основаніе Братства Мучениковъ. Вотъ нѣкоторыя изъ его правилъ:

Всѣ члены должны быть готовы претерпѣть изгнаніе, или смерть изъ любви къ Іисусу Христу.

Между ними не должно быть ни ненависти, ни раздоровъ, и они должны готовиться къ мученичеству постомъ, молитвою и покаяніемъ.

Каждую недѣлю они должны собираться два раза для совмѣстнаго обсужденія средствъ сохранить религію и подержать Братство.

На этихъ собраніяхъ они должны съ любовію указывать замѣченные другъ у друга недостатки и послѣ этого приносить покаяніе.

Никто изъ отрехшихся отъ вѣры не можетъ быть принятъ въ Братство, пока не докажетъ искренности своего раскаянія и не исправитъ причиненный имъ соблазнъ.

Одинъ изъ братьевъ долженъ хранить у себя полученную милостыню, чтобы питать бѣдныхъ, изгнанныхъ за вѣру и служить обѣдню за усопшихъ.

Это Братство было основано въ Аримѣ. Отсюда оно распространилось по всей Имперіи.

„Даже у дѣтей существовало такое Братство“.—Такъ, говоритъ отецъ Людовикъ де Гузманъ: „большіе и малые, одушевленные огнемъ Духа Святаго, горѣли желаніемъ подвергнуться мученичеству и приготовлялись къ нему частою исповѣдью и непрестаннымъ покаяніемъ; идя на крестъ они надѣвали свои лучшія одежды, какъ на праздникъ“.

Въ 1614 году, четырнадцатаго февраля миссіонерамъ, находившимся въ Міако данъ былъ приказъ выѣхать въ Нагасаки. Но, увидѣвъ составленный по его приказанію списокъ христіанъ, Императоръ ужаснулся ихъ множества. Онъ поручилъ одному изъ храбрѣйшихъ военачальниковъ, по имени Сангамидоно, начать истребленіе ихъ, не только въ Міако, но и по всей Имперіи.

Этотъ страшный противникъ прибылъ въ столицу 26 февраля, распространяя вокругъ страхъ и ужасъ. Онъ началъ съ того, что приказалъ снести церкви отцовъ іезуитовъ, двѣ часовни и ихъ домъ. Затѣмъ онъ велѣлъ объявить повсюду при звукахъ трубъ, что христіане, не пожелавшіе отречься отъ вѣры, будутъ сожжены живыми и имъ остается только приготовить столбы, къ которымъ ихъ привяжутъ. Въмѣсто всякаго отвѣта большинство христіанъ поставили на другой день по столбу передъ своими дверьми, показывая, что они скорѣе погибнуть въ пламени, чѣмъ отрекутся отъ христіанства.

Соревнованіе было такъ велико, что одинъ бѣднякъ продать свое единственное платье, а одна женщина свой поясъ, для того чтобы купить себѣ столбъ.

Видя, что имѣеть дѣло съ людьми не боящимися смерти, считающими казни и мученія за величайшую милость, какую только можно было имъ оказать, Сангамидоно приказалъ отобрать столбы и сжечь на городской площади. Потомъ онъ сталъ придумывать другое средство.

Сначала онъ попытался склонить христіанъ, имена которыхъ были въ списокъ, чтобы они молчаливо позволили вычеркнуть себя отсюда. Нѣкоторые рѣшились на это. Другихъ, изъ уваженія къ ихъ сану, или личности вычеркнули безъ ихъ согласія. Но они громко протестовали, предпочитая уничтоженіе и смерть даже видимости отреченія. Убѣждаясь все болѣе, что мысль о страданіи далеко не страшила ихъ, правитель прибѣгнулъ къ униженіямъ и самымъ безчестнымъ оскорбленіямъ.

Въ Міако была улица, называвшаяся улицей христіанъ, такъ какъ на ней жилъ только одинъ язычникъ. Правитель приказалъ изгнать отсюда всѣхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей посадить въ мѣшки отъ риса, нѣсколько похожіе на наши хлѣбные, оставивъ снаружи голову, чтобы можно было

ихъ узнать. Нѣкоторые изъ дѣтей, которыхъ изъ жалости избавили отъ наказанія, потребовали чтобы ихъ оставили съ матерями. Черезъ сутки, проведенныя въ такомъ положеніи, женщинъ освободили изъ мѣшковъ и посадили туда ихъ мужей. Но ничто не могло поколебать рѣшимости Японцевъ все претерпѣть за вѣру.

Другой примѣръ постоянства былъ показанъ общиной женщинъ и дѣвушекъ, давшихъ обѣтъ цѣломудрія и жившихъ подъ руководствомъ одной благородной дамы, по имени Юли. Въ продолженіе пяти дней сряду ихъ осаждали просьбами, угрозами и мольбами, думая заставить отказаться отъ христіанской религіи. Пригрозили даже, что если они не согласятся быть вычеркнутыми изъ списка христіанъ, то будутъ водимы по городу совершенно нагими. Они отвѣчали, что ничто ихъ не страшитъ, но если ихъ имена будутъ вычеркнуты противъ ихъ воли, то они вездѣ будутъ разглашать, что онѣ—христіанки, что Императора обманываютъ, заставляя его думать, будто христіане вернулись къ идолопоклонству.

Судьи исполнили полученные приказы. Они велѣли взять христіанокъ и посадить въ мѣшки, гдѣ онѣ были такъ стиснуты, что не могли пошевелиться. Въ такомъ видѣ ихъ возили окруженныхъ солдатами по всѣмъ улицамъ города. Потомъ ихъ отнесли въ предмѣстье, на мѣсто казней, и бросили на землю. Цѣлые сутки онѣ здѣсь оставались на жертву вѣтру, дождю, снѣгу и холоду въ самую суровую зимнюю пору, и, что всего ужаснѣе, на жертву оскорбленій и насмѣшекъ любопытныхъ.

Одну изъ нихъ вернули родителямъ, по ихъ настоятельнымъ просьбамъ, но она не пожелала оставить своего скорбнаго одѣянія. Когда, благодаря ихъ хлопотамъ, она была посажена въ носилки, то всю дорогу кричала:—„Я христіанка, меня увозятъ силой“. Видано ли было когда нибудь подобное стремленіе пострадать за свое вѣрованіе?

Оставшись на свободѣ въ родительскомъ домѣ, она убѣжала оттуда, унося мѣшокъ—одежду поруганія—и отправилась къ своимъ подругамъ на мѣсто казни; здѣсь она добилась несказанной милости—позволенія занять среди нихъ свое мѣсто. Выпущенныя на другой день на свободу, эти женщины, однако, не согласились возвратиться въ городъ

иначе, какъ въ предшествіи глашатая, объявлявшаго, что онѣ христіанки и что никто изъ нихъ не отрекся отъ вѣры. Ихъ оставили на свободѣ до новаго приказа Императора.

Это было въ началѣ 1614 года.

23 Апрѣля объявленъ былъ Императорскій эдиктъ, изгонявшій всѣхъ христіанъ, не пожелавшихъ отречься, и опредѣлявшій для ихъ жительства Цугару, на крайнемъ сѣверѣ Япоіи, чтобы они разчищали необитаемыя земли. Эта новая система преслѣдованія, встрѣтила то же горячее сопротивленіе. Одѣтые въ лучшія платья христіане собрались передъ дворцомъ правителя Міако. Они являлись сами предать себя на изгнаніе.

Церкви Бунго, Хакаты, Хинго и Аримы, и всѣ другія имѣли своихъ мучениковъ, соперничая въ мужествѣ и постоянствѣ.

Въ царствованіе Хидэтады, сына Еясу, исторія католицизма въ Япоіи представляетъ длинный рядъ мученій изобрѣтаемыхъ и претерпѣваемыхъ съ равнымъ упорствомъ. Развѣ не одинаковая кровь текла въ жилахъ жертвъ и палачей?

18 Іюля 1625 года, при Императорѣ Емицу, тридцать два знатныхъ лица, мужчинъ, женщинъ и дѣтей были сожжены на медленномъ огнѣ при восклицаніяхъ: „Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ!“ — Немного времени спустя, пятьдесятъ человекъ были обезглавленны. Въ то же время девять монаховъ Общества Іисуса, три священника и шесть братій, также погибли медленной смертью въ огнѣ. Отецъ Людовикъ Серкейра, епархіальный епископъ, умеръ отъ горя въ 1614 году; его замѣнилъ Іаковъ Валенсъ, потомъ Валентинъ Каравіаль, Провинціаль Япоіи. Они наслѣдовали другъ другу вслѣдствіе приказанія папы, повелѣвшаго, чтобы въ случаѣ смерти епископа этой страны, его должность занималъ настоятель общества Іисуса, безъ всякаго избранія и приказа изъ Рима.

18 Декабря, 1625 года, отецъ Паціеко, Провинціаль, исполнявшій должность Епископа, былъ взятъ въ Коциноцу вмѣстѣ съ нѣсколькими членами Общества Іисуса; съ ними были захвачены лица, скрывавшіе ихъ и ихъ дѣти. Нѣсколько времени спустя той же участи подвергся отецъ Жанъ Батистъ Зола съ двадцатью четырьмя монахами и ихъ хозяевами. Отецъ Балтазаръ де Торрець также былъ схваченъ съ

нѣсколькими членами Общества Иисуса и лицами, принявшими ихъ.

За это время христіане своимъ примѣромъ обращали ко Христу даже своихъ сторожей и тюремщиковъ. Пробывъ нѣсколько времени въ заключеніи, они умиралли среди большихъ или меньшихъ мученій, со словами:

— „In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum“

20-го Іюня, 1626 года, всѣ они были сожжены живыми.

Въ 1630 году былъ данъ приказъ, чтобы всѣ, укрывавшіе монаховъ, также осуждались на смерть съ женами и дѣтьми. Одна служанка, желая спасти маленькую дочь своей госпожи, взяла ее на руки и сказала солдатамъ, что это ея дитя; но мать рѣшительно изобличила ее, предпочитая для своей дочери смерть отреченію отъ вѣры.

Въ это время въ земляхъ Омуры подверглись заключенію семьдесятъ три христіанина. Изъ нихъ пятьдесятъ претерпѣли въ Симабарѣ самыя ужасныя мученія. Имъ раздробили пальцы, отрѣзали губы, рвали тѣло клещами и рѣзали пилою, потомъ ихъ наливали насильственно водой до рвоты, повторяя это мученіе до тѣхъ поръ пока они не соглашались сказать: — „я отказываюсь отъ вѣры; не мучьте меня“! ¹⁸⁾.

¹⁸⁾ Симабарская драма произошла при Сьёгунѣ Іэ-миду, вѣрномъ продолжателѣ дѣла Бясу.

Хотэй, сынъ Хидэ Ёри, внукъ Хидэ Ёси Тайко Сама, человѣкъ огромныхъ талантовъ и энергіи, задумалъ свергнуть домъ Токугава (Бясу) и возвратитъ себѣ власть своего знаменитаго дѣда.

Возстаніе началось въ замкѣ Ама Куса, по близости Нагасаки, въ 1638 году.

О замкѣ Ама Куса издавна ходили легенды, будто бы въ немъ являются иногда боги въ человѣческомъ образѣ. Хотэй и разгласилъ о себѣ, будто бы онъ именно такой „Син-до“, вочеловѣчившійся богъ. Всѣ приверженцы дома Хидэ Ёси, гонимые при восторжествовавшемъ домѣ Токугава, а также и Христіане, осужденные имъ на истребленіе, откликнулись на призывъ Хотэя, дававшій имъ единственную надежду на будущее.

Среди Христіанъ еще за три мѣсяца до возстанія былъ распущенъ слухъ, будто бы въ Ама Кусѣ вновь явился Христосъ во плоти. Христіане, конечно, могли быть увѣрены, что въ случаѣ побѣды Хотэя они получатъ право исповѣдывать свою религію, а потому дружно устремились въ войска Хотэя. Общее одушевленіе усилила какая то необыкновенная звѣзда, въ которой увидѣли знаменіе пришествія *Син-до*. Въ войскахъ Хотэя собралось 70,000 человѣкъ, среди которыхъ было множество Христіанъ.

Въ 1633 году еще нѣсколько Іезуитовъ подверглись мученію. Одинъ изъ нихъ, Японецъ, родомъ изъ королевства Оми,

Костылевъ въ „Исторіи Японіи“ рассказываетъ этотъ эпизодъ гораздо подробнѣе, нежели Фрессинэ. Въ началѣ, дѣло возстанія пошло успѣшно. Кромѣ уже собравшихся войскъ, Хотэй ожидалъ помощи отъ сильнаго владѣтеля Сацумы. Войска, преданные Сьёгуну, были напротивъ, невелики. Начальникъ ихъ, находившійся въ крѣпкомъ замкѣ Симабара, недалеко отъ Нагасаки, узнавъ о скопленіи Христіанъ въ Фукуа, напалъ на нихъ, но Христіане-католики, хотя сначала и разбѣжались, однако вновь соединились и напали на Симабару, прежде чѣмъ правительственное войско успѣло возвратиться въ крѣпость. Небольшой гарнизонъ сначала отбилъ нападеніе, но Хотэй прислалъ подкрѣпленія, и Симабара занята возставшими.

Война велась нѣсколько времени съ переменнымъ успѣхомъ. Когда вѣсть о возстаніи дошла до столицы, то Сьёгунъ чрезвычайно встревожился и хотѣлъ лично стать во главѣ войскъ для усмиренія Хотэя. Приближенные уговорили Іа-мнцу не дѣлать этого, чтобы не показать дѣла въ слишкомъ опасномъ видѣ. Тогда Сьёгунъ послалъ на усмиреніе возстанія нѣкоего Ита Куру.

Сима-бара стала центромъ военныхъ дѣяній. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, съ Декабря 1638 по Февраль 1639, мужественный гарнизонъ отбивалъ всѣ штурмы. Въ Январѣ неудачи его войскъ такъ встревожили Сьёгуна, что онъ снова хотѣлъ лично идти на тушеніе опаснаго пожара. Но и на этотъ разъ правительство побоялось обнаружить опасность положенія. вмѣсто Ита Куры былъ назначенъ главнокомандующимъ Мацу Дайра (родственникъ Сьёгуна).

Ита Кура, имѣвшій 90,000 войска, рѣшился взять Сима-бару во что бы то ни стало до прибытія новаго главнокомандующаго, и пошелъ на отчаянный штурмъ въ которомъ погибъ, а войско его снова было отбито.

Новый главнокомандующій, не имѣя артиллеріи, обратился къ помощи Голландцевъ, имѣвшихъ тогда исключительное позволеніе торговать съ Японіей (въ Нагасаки). Фрессинэ оправдываетъ Голландцевъ тѣмъ, что они помогали войнѣ не противъ Христіанъ, а противъ бунтовщиковъ... Эта софистика, конечно, не даетъ оправданія постыднаго дѣла. Голландцы защищали варварское мучительство и надругательство Сьёгуната надъ религіозными вѣровавіями, людей, которые безъ этого не были бы „бунтовщиками“.

Какъ бы то ни было, благодаря помощи Голландцевъ, устроившихъ артиллерію Мацу Дайры, Сима-бара подверглась бомбардировкѣ съ суши и съ моря. Подвозъ провѣзій въ замокъ былъ этимъ пресѣченъ. Осажденные однако мужественно держались. Высланный ими отрядъ успѣлъ захватить у Сьёгунскихъ войскъ значительные запасы продовольствія и везти ихъ въ крѣпость. Планъ Мацу Дайра—заморить Сима-бару голодомъ такимъ образомъ не удался, и въ второй половинѣ Февраля предпринятъ былъ новый отчаянный штурмъ. Онъ продолжался два дня. Успѣхи Сьёгунскихъ войскъ въ первый же день убѣдили Хотэя въ невозможности устоять, и онъ съ ближайшими помощниками ночью убѣ-

схваченный въ Хигенѣ, по имени Николаи Рейо Фулунога, шестидесяти трехъ лѣтъ, первый претерпѣлъ родъ казни, доселѣ неизвѣстный въ Японіи. Вырыта была яма въ видѣ колодца, глубиною въ нѣсколько футовъ. Тамъ вбили столбъ и привязали къ нему жертву головой внизъ, съ руками связанными за спиной, такъ, что онъ погруженъ былъ въ ровъ до колѣнъ. Боясь какъ бы кровь не задушила его, палачи крѣпко забинтовали ему все тѣло, потому они закрыли яму двумя досками, не пропускавшими туда свѣта и оставили Фулуногу такимъ образомъ подвѣщеннымъ. Кровь хлынула у него изъ глазъ, рта, носа и ушей.

Кажется, нѣкоторые могли вытерпѣвать это мученіе восемь дней, прежде чѣмъ оно убивало ихъ.

Фулунога пробылъ въ такомъ положеніи три дня, когда сторожа его пришли спросить, не имѣетъ ли онъ что нибудь сказать. Осужденный отвѣчалъ, что ничего не желаетъ, кромѣ того, чтобы Императоръ и вся страна обратились ко Христу. Онъ умеръ на четвертый день.

Отцы Віейра и Мастрильи. Мученіе водой.

Съ 1633 по 1640 годъ въ Европу почти не приходило извѣстій изъ Японіи. Въ это время здѣсь было только пять іезуитовъ—европейцевъ, въ числѣ нихъ Себастьянъ Віейра, родомъ Португалецъ. Онъ былъ также изгнанъ въ 1614 году и отправленъ въ Индію по приказу Императора. Онъ побывалъ въ Римѣ чтобы извѣстить Святѣйшаго Отца и Генерала Іезуитовъ о печальномъ состояніи, въ какое приведена была процвѣтавшая японская церковь. Урбанъ VIII принялъ его

жалъ изъ крѣпости моремъ, оставивъ своихъ злополучныхъ приверженцевъ на произволъ судьбы. Они продолжали защищаться, пока сила не преодолѣла мужества. Всѣ защитники Сима-бары или погибли въ бою или были схвачены и казнены. Тутъ погибли несчетныя тысячи католиковъ, Симабарскій же замокъ былъ, по приказанію Сьёгуна, совершенно срытъ.

Какъ это ни удивительно,—самому Хотэю удалось скрыться. Одинъ преданный челоѣкъ назвался въ Симабарѣ его именемъ, и погибъ въ бою. Правительство повѣрило, будто это былъ дѣйствительно Хотэй, который на самомъ дѣлѣ былъ спрятанъ владѣтелемъ Сацумы, не давшимъ ему помощи, но спасшимъ его жизнь. Потомки Хотэя и понынѣ живутъ въ Сацумѣ.

съ радостью и не могъ удержаться отъ слезъ при разсказѣ о страданіяхъ христіанъ, но убѣждалъ его бороться за вѣру до конца, обѣщая, если онъ сподобится пролить кровь за Христа, торжественно причислить его къ лику мучениковъ.

Доблестный воинъ Церкви съ радостью принялъ это предложение, какъ предсказаніе ожидавшей его участи.

Въ 1632 году онъ вернулся въ Японію переодѣтый китайскимъ матросомъ. Сойдя съ корабля онъ облобызалъ землю и воскликнулъ:— „*Haec requies mea in saeculum saeculi: hic habitabo, quoniam elegi eam. Haec est domus Dei et porta Coeli.* Здѣсь мѣсто моего упокоенія во вѣки вѣковъ. Вотъ мое жилище, ибо я его избралъ; домъ Божій и врата небесныя!“

Едва онъ успѣлъ разсказать отцамъ лезуитамъ, что онъ дѣлалъ въ Римѣ, какъ разнесся слухъ, о прибытіи изъ Европы римскаго священника. Унемондо, правитель Нагасаки, и Нагата, правитель Аримы трепетали какъ бы Императоръ не узналъ, что хитростью, или черезъ послабленіе миссіонеръ высадился въ ихъ портъ.

Чтобы предупредить это несчастье, Унемондо велѣлъ выгравировать на мѣди и нарисовать на полотнѣ черты монаха, какъ ихъ описали его агенты, обѣщая пятьсотъ экю тому, кто его откроетъ, или приведетъ плѣннымъ.

Отецъ Віейра былъ назначенъ въ это время Провинціаломъ Японіи и, слѣдовательно, властью Святѣйшаго Престола, Епископомъ. Посѣщая вѣрныхъ, врученныхъ его попеченію Церковь и Обществомъ Иисуса, онъ путешествовалъ ночью посреди тысячи опасностей, измѣняя одежду, останавливаясь то въ лѣсу, то въ жалкихъ заброшенныхъ хижинахъ. Никто не осмѣливался принять его, по причинѣ грозившихъ за это мученій. Стража разыскивала его повсюду. Ему невозможно было укрыться отъ ихъ преслѣдованія и бдительности.

Онъ былъ схваченъ около Оосаки, въ баркѣ, куда случайно вошли полицейскіе. Узнавъ его, они сейчасъ же бросились на него, крѣпко связали и, довольные своей добычей, повели его въ Нагасаки.

Правитель немедленно же извѣстилъ Императора о счастливой поимкѣ и спрашивалъ его приказаній. Со времени своего возвращенія въ Японію отецъ Віейра былъ прозванъ Римляниномъ. Его держали въ заключеніи въ Нагасаки, по-

томъ перевели въ тюрьму Омуръ, неудобную, но болѣе надежную. вмѣстѣ съ нимъ были схвачены пять христіанъ, помогавшихъ ему въ исполненіи его обязанностей. Онъ принялъ ихъ всѣхъ въ Общество, чтобы они раздѣлили его труды и мученичество.

Емицу, желая проникнуть въ намѣренія арестованнаго, приказалъ привезти его въ свою столицу Іедо. Онъ прибылъ туда со своими пятью спунниками и явился во дворецъ въ сутанѣ и въ іезуитской мантии. Въ Японіи существуетъ обычай, что съ виновнаго, удостоившагося чести представиться Императору, слагаютъ его вину и отпускаютъ на свободу. Поэтому Емицу, желая узнать новости о Европѣ, послалъ къ миссіонеру вельможъ изъ своей свиты. Нѣкоторое время онъ оставался въ Іедо заключенный вмѣстѣ съ преступниками, получая изъ пищи только немного плохого риса, очень мало соли и горячей воды. Отсюда онъ писалъ сеньеру Гонзальву, что своего положенія онъ не промѣнялъ бы на мѣсто величайшаго монарха на землѣ.

Онъ увѣщавалъ обратиться ко Христу своихъ судей, недостойныхъ сотоварищей по заключенію и сторожей; какъ и всѣ миссіонеры, одинаково европейцы и японцы, онъ проповѣдывалъ отъ всего сердца, своимъ словомъ и примѣромъ до тѣхъ поръ, пока у него осталась возможность проповѣдывать уже только своей кровью. Напрасно ему грезили всѣми муками.

Императоръ былъ тронуть его постоянствомъ, но одинъ его родственникъ, наиболѣе вліятельный среди совѣтниковъ, сказалъ ему, что удивляется слабости его ума, склоннаго вѣрить рѣчамъ жалкаго шарлатана. Этотъ Римлянинъ—сума-сбродъ и безумецъ; ученіе, которое онъ проповѣдуетъ, идетъ отъ демоновъ; оставлять религію предковъ для того, чтобы принять вѣру иностранца и варвара, было бы недостойно государя, его сана и національности. Извѣстно изъ вѣрнаго источника, говорилъ онъ, что эти проповѣдники являются эмиссарами испанскаго короля, которые, подъ предлогомъ религіи привлекаютъ на его сторону японскихъ подданныхъ и склоняютъ ихъ къ общему возстанію, чтобы самимъ завладѣть Имперіей. По этимъ причинамъ, напоминалъ онъ, отецъ и дѣдъ Императора изгнали ихъ изъ Японіи, если онъ ихъ призоветъ, то рискуетъ потерять корону.

Принцъ былъ молодъ и робокъ. Эта рѣчь человѣка, бывшаго самой крѣпкой опорой его короны, совершенно изгладила впечатлѣніе, произведенное письмомъ отца Виейры, въ которомъ тотъ излагалъ христіанское вѣроученіе.

Болѣе ужъ не стали откладывать суда надъ нимъ. Онъ былъ осужденъ на смерть въ ямѣ. Такимъ же образомъ погибли и его пять спутниковъ. Всѣхъ ихъ привезли на мѣсто казни на дрянныхъ лошадяхъ; на спинѣ у каждаго была прикрѣплена надпись съ объясненіемъ причины ихъ осужденія: проповѣдь христіанства вопреки эдикту Императора.

Пробывъ три дня въ ямѣ, головой внизъ, отецъ Виейра, въ которомъ часто сказывался пророческій духъ, былъ найденъ стражей такимъ же спокойнымъ, какъ если бы онъ не испытывалъ ни малѣйшаго неудобства. Тогда они зажгли огонь и славный мученикъ скончался, какъ самъ предсказывалъ, 6 Іюня 1634 года.

Молодой отецъ Мастрильи происходилъ изъ знатной неаполитанской фамиліи. Онъ посвятилъ себя Св. Франциску-Ксаверію и избралъ его своимъ патрономъ, хотя при крещеніи ему дано было имя Марсея. Въ 1618 году онъ вступилъ чудеснымъ образомъ въ Общество Іисуса, преодолевъ сопротивленіе своей семьи. Горячо добиваясь мученичества, онъ просилъ послать его на Востокъ. Родители, намѣреваясь вырвать его изъ Общества и женить, разрушили всѣ его проскты. Они желали сохранить имя своего рода, который, безъ него, готовъ былъ угаснуть. Святой монахъ отвѣчалъ на это новыми обѣтами.

Онъ отправился въ Японію. По приказу, данному Тайко, всѣ ея жители, чтобы ихъ не приняли за христіанъ, должны были носить на шеѣ маленькаго идола. Переводчики неаполитанскаго священника, которые, высадивъ его на землю, плыли вдоль берега на своей баркѣ, вскорѣ были замѣчены береговой стражей и отведены подъ стражей въ Нагасаки. Спрошенные объ ихъ путешествіи и о привезенныхъ ими лицахъ, они сбивались въ отвѣтахъ. Ихъ подвергли усиленному допросу. Одинъ изъ нихъ, Андрей Котенда, умеръ въ мученіяхъ. Прочіе въ концѣ концовъ объявили о прибытіи монаха Общества Іисуса, о которомъ они рассказывали чудеса. Губернаторъ немедленно послалъ за нимъ въ погоню двѣсти пятьдесятъ солдатъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней вниманіе этихъ агенто́въ привлекъ дымокъ, вившійся надъ лѣсомъ. Отецъ Мастрильи развелъ здѣсь костеръ. Они его нашли стоящимъ, на колѣняхъ, съ лихорадочнымъ взоромъ, безъ крова, безъ постели и пищи, такъ что непонятно было, какъ онъ могъ здѣсь жить. Солдаты были поражены изумленіемъ и остановились при видѣ столь необыкновеннаго человѣка. Они не осмѣливались приблизиться къ нему и наложить на него руки. Но, увидѣвъ ихъ, онъ сказалъ имъ кроткимъ голосомъ, съ улыбающимся видомъ:—„Вы меня ищете, дѣти мои? Берите меня, если хотите“. Итакъ, они его схватили и связали, но обращались съ нимъ кротко. Его отвезли въ Нагасаки.

На допросъ онъ объявилъ, что онъ—Европеецъ, итальянецъ родомъ, прибылъ изъ Португаліи въ Индію, изъ Малакки на Филиппины, а оттуда въ Японію, чтобы возвратить здравіе Императору, который былъ тогда боленъ, если онъ еще живъ, и чтобы научить его закону Іисуса Христа. Онъ прибавилъ, что ему приказалъ св. Францискъ-Ксаверій предпринять это путешествіе въ ихъ страну.

Послѣ продолжительнаго допроса, тронутые его благочестіемъ, вѣрой и искренностью, правители готовы были бы отпустить его, если бы не страшились гнѣва Императора... Итакъ, чтобы исполнить свою обязанность, они все же присудили его къ мученію водою. Эта казнь, наравнѣ съ ямой, считается самой жестокой. Несчастнаго осужденнаго привязываютъ на закрученной веревкѣ къ какому-нибудь возвышенному пункту, съ ногами растянутыми съ помощью веревокъ. Потомъ, головой внизъ, его опускаютъ по подбородокъ въ сосудъ съ водою. Когда онъ достаточно проглотитъ воды, то-есть сколько можетъ вмѣстить, его приподнимаютъ; веревка раскручивается со страшной быстротой, препятствующей дыханію и это вызываетъ рвоту. Легко повѣрить, что причиняемое этимъ страданіе ужасно и скоро приводитъ къ медленной смерти.

Была и другая мука водою: осужденнаго связывали, оставляя свободной только лѣвую руку, чтобы онъ могъ подать знакъ отреченія отъ вѣры. Ему вкладывали въ ротъ воронку, или даже безъ помощи этого инструмента, вливали безъ остановки и не давая ему вздохнуть воду. Затѣмъ его

клали на землю, а на животъ двѣ доски, и ходили по нимъ. Несчастнаго сдваливали перевязками такъ тѣсно, что онъ принужденъ былъ извергать воду, смѣшанную съ кровью черезъ ротъ, глаза, ноздри и всѣ выходы тѣла.

Миссіонеръ претерпѣлъ эти двѣ муки въ одинъ день. При второмъ испытаніи онъ совершенно изнемогъ, но съ прежнимъ спокойствіемъ духа сказалъ своимъ палачамъ, что они могутъ продолжать его мучить. Претерпѣвъ эти ужасныя страданія, онъ встрѣтилъ въ тюрьмѣ измѣнившихъ ему перевозчиковъ и простилъ ихъ.

На новомъ допросѣ его спросили, правда ли, что его послалъ губернаторъ Филиппинъ, и зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Отецъ Мастрильи отвѣчалъ какъ и въ первый разъ, что онъ прѣхалъ изъ Манилы въ Японію по собственному побужденію; что Губернаторъ его не посылалъ; что онъ имѣлъ намѣреніе исцѣлить Императора отъ болѣзни и, возвративъ ему здоровье, убѣдить его со всѣми подданными принять законъ Иисуса Христа, единственно способный доставить имъ вѣчное блаженство. Если же его самого умертвятъ за это, то доставятъ ему величайшее счастье.—„Если вы такъ страстно желаете смерти, сказалъ одинъ изъ правителей, то васъ легко удовлетворить, но скажите, что это за лѣкарство, которое, какъ вы увѣряете, должно исцѣлить нашего Государя?“—„Это, отвѣчалъ отецъ Мастрильи, разныя травы и коренья, а также чудесный порошокъ, который я привезъ ему изъ Индіи, которой его непременно вылѣчитъ“.

Подъ этимъ порошкомъ онъ подразумѣвалъ мощи св. Франциска-Ксаверія, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ родъ пилуль. Онъ прибавилъ, что носитъ образъ этого святого, и что, если послѣ доставленія этого образа Съегуну, не произойдетъ ничего необычайнаго, то онъ согласенъ идти на какія угодно муки. Правители засмѣялись на такое предложеніе, воскликнувъ, что къ особѣ Императора приближаются не такъ легко, да и самъ онъ не будетъ настолько неостороженъ, чтобы принять лѣкарство, предложенное неизвѣстнымъ иностранцемъ, непримиримымъ врагомъ его религіи.—„Итакъ, сказали они миссіонеру, вамъ остается только приготовиться къ новымъ мученіямъ“.

Его отвели на мѣсто казни и сняли съ него всѣ одежды. Судьи велѣли подвергнуть его опять мученію водой, продол-

жавшемуся три дня. Полумертваго его отнесли въ тюрьму, чтобы онъ набрался новыхъ силъ. Послѣ нѣкотораго перерыва къ нему явился отъ правителя офицеръ, съ вѣстью о его осужденіи на смерть. Это извѣстіе наполнило миссіонера радостью. Вѣрный своей аристократической привычкѣ къ щедрости, онъ сказалъ вѣстнику, что сожалѣетъ только объ одномъ: именно что не можетъ по недостатку средствъ сдѣлать ему, въ знакъ своей благодарности, какой-нибудь подарокъ. Онъ спросилъ, какому роду смерти его подвергнуть. Узнавъ, что это будетъ мученіе въ ямѣ, о. Мастрильи замѣтилъ: „Это хорошо; духъ бодръ, хотя плоть немощна. Я не умру однако отъ этой муки, катана ¹⁹⁾ мнѣ отрубить голову и откроетъ путь съ земли на небо“.

Осужденнаго вывели изъ тюрьмы для отправленія на мѣсто казни. Онъ ѣхалъ на дрянной лошади, окруженный пѣшей и конной стражей, воспрещавшей приближаться къ нему. Руки у него были связаны назади, во рту заткнутъ кляпъ, правая сторона головы сбрита и посыпана красноватымъ порошкомъ, что въ Японіи считается величайшимъ безчестіемъ. Не довольствуясь этими знаками поношенія, палачи привѣсили къ нему на спину приговоръ, составленный въ такихъ выраженіяхъ:

„Емицу, Императоръ Японіи, приказалъ черезъ правителей Хидосуцибару и Поабусабуру Пейемона осудить этого безумнаго человѣка на казнь за то, что онъ пришелъ проповѣдывать въ королевствахъ Японіи чуждое ученіе, противное закону Будды, Амиды и другихъ Хотокэ страны. Стекайтесь всѣ посмотрѣть на его казнь, такъ какъ онъ долженъ умереть въ ямѣ, чтобы видя его примѣръ каждый сдѣлался благоразумнымъ и осторожнымъ“.

Достигнувъ мѣста казни, отецъ Мастрильи поблагодарилъ правителей за то, что они его провожали и хотѣлъ заговорить съ ними о Богѣ и о вѣчной жизни. Но палачи крѣпко перевязали его поперекъ тѣла, чтобы кровь не задушила его, а затѣмъ свѣсили его въ яму, какъ мы это уже описывали. Онъ здѣсь оставался четыре дня. Не слыша никакого звука, сторожа подумали что онъ уже умеръ и открыли яму; найдя его живымъ, они спросили, не желаетъ ли онъ чего-нибудь.—

¹⁹⁾ Названіе сабли у Японцевъ.

„Ничего, отвѣчалъ мученикъ, кромѣ небесной славы. Я въ этой ямѣ какъ въ раю, не беспокойте же меня болѣе!“

Правители начали настоятельно уговаривать его отречься и избавить себя отъ этой муки. Миссіонеръ удивился, что его полагаютъ способнымъ на подобную низость и сказали, что считаетъ себя счастливѣйшимъ изъ людей, умирая за Того, Кто его спасъ Своей смертью, такъ какъ для достиженія счастья вѣчно наслаждаться Его лицезрѣніемъ всякая мука кажется сладкой.

На пятый день его мученія приходился праздникъ въ честь одного изъ японскихъ боговъ, а въ эти торжественные дни, подобно тому, какъ это было въ Афинахъ при осужденіи Сократа, запрещалось подвергать виновныхъ какому бы то ни было наказанію. Между тѣмъ у миссіонера еще не замѣчалось признаковъ близкой смерти, поэтому правители приказали извлечь его изъ ямы и обезглавить. Когда исполнялся этотъ приказъ, отецъ Мастрильи сначала разсердился, думая что ему оставляютъ жизнь. Но, узнавъ ожидавшую его участь, воскликнулъ:—„Въ добрый часъ! Давно уже я жду этой милости“. Такъ исполнилось его предсказаніе. Онъ встрѣтилъ смерть съ веселымъ и счастливымъ видомъ, какъ будто не испыталъ никакихъ страданій.

Благочестивый мученикъ зналъ, отправляясь въ Индію, что одинъ изъ членовъ Общества отрекся отъ вѣры послѣ пяти часовъ мученія въ ямѣ. Съ тѣхъ поръ ревностный служитель Божій принималъ рѣшеніе пожертвовать собою, чтобы изгладить пятно этого отступничества.

Какъ только въ Люсонѣ стала извѣстна его славная смерть, тотчасъ зазвонили во всѣ городскіе колокола и отслужили благодарственный молебенъ. То же было и въ Макао, Гоа, Мадридѣ, Лиссабонѣ. Мы безсильны описать—съ какимъ благоговѣніемъ и любовью встрѣчались и хранились останки святого монаха во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ ни провозили. Особенно въ Неаполѣ ему воздали необычайныя почести. Комната, въ которой онъ жилъ и гдѣ ему явился св. Францискъ-Ксаверій, повелѣвая ѣхать на Востокъ, стала считаться священной: Это помѣщеніе было обращено въ часовню и народъ стекался сюда толпами на поклоненіе его прекрасному, кроткому образу.

Такимъ образомъ, молодой отецъ Мастрильи, невинная и

сознательная жертва, омыль своей чистой благородной кровью обиду, нанесенную Спасителю апостоломъ, недостойнымъ своего Господа и своего званія.

Казнь четырехъ португальскихъ пословъ и пятидесяти семи человекъ изъ ихъ свиты ²⁰⁾; мученичество послѣднихъ миссіонеровъ и истребленіе христіанства.

Въ 1638 году одно печальное происшествіе ускорило гибель христіанской религіи въ Японіи. Одинъ Оттона ²¹⁾ города Аримы особенно плохо обращался съ подвластными ему христіанами. Онъ отягощалъ ихъ налогами подвергалъ ихъ притѣсненіямъ и насиліямъ, доходя даже до того, что бралъ ихъ женъ и дѣтей и мучилъ ихъ недостойнымъ образомъ.

Доведенные до крайности, христіане возстали въ числѣ тридцати семи тысячъ человекъ и, овладѣвъ Симабарой, укрѣпились въ ней. Вскорѣ ихъ обложила двухсоттысячная армія. Осажденные произвели нѣсколько вылазокъ и такъ успѣшно, что убили болѣе шестидесяти тысячъ. Но этотъ успѣхъ не могъ повести ни къ чему, такъ какъ они были обложены со всѣхъ сторонъ и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ и боевыхъ припасахъ. Отрѣзанные отъ всего міра, они наконецъ не устояли и были всѣ истреблены ²²⁾.

²⁰⁾ Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, если и рассказы миссіонеровъ и голландцевъ нѣсколько расходятся въ подробностяхъ, то они вполнѣ согласны по существу.

²¹⁾ Начальникъ одного изъ кварталовъ города.

²²⁾ Настоящимъ создателемъ строя, продержавшагося затѣмъ въ Японіи болѣе двухъ вѣковъ, былъ Еясу.

Хидэ Ёси Тайко-Сама прошелъ надъ Японіей шумнымъ метеоромъ. Онъ распаталъ силы мѣстныхъ феодаловъ. Но онъ теперь истощилъ силы страны общей своей политикой, полной широчайшихъ до фантастичности плановъ. Его затѣя покорить Корею и Китай возбудила войну, тянувшуюся съ 1592 года до смерти Хидэ Ёси въ 1598 году. Хидэ Ёси двинулъ въ Корею 500,000 войска, которое потомъ еще приходилось поддерживать. Эти войска одержали множество блестящихъ побѣдъ, завоевали всю Корею, дойдя до Манджуріи, но упорство постоянно разбиваемыхъ Кореи и Китая затягивало войну. Японцы нигдѣ не могли прочно утвердиться и, постепенно истощаясь, должны были отступать. Къ концу жизни Хидэ Ёси уже и самъ не зналъ, какъ выпутаться изъ непосильно великаго предпріятія. Ликвидировать его пришлось немедленно по кончинѣ Хидэ

Императоръ, извѣщенный объ этомъ возмущеніи, подумалъ, что оно было вызвано Португальцами, которымъ онъ справедливо, или несправедливо, постоянно приписывалъ намѣреніе овладѣть его государствомъ. Съ этихъ поръ онъ болѣе чѣмъ когда-либо увѣрился, что религія была только

Ѣси, при чемъ сочли счастьемъ уже то, что остатки Японскихъ войскъ могли болѣе или менѣе благополучно возвратиться на родину. Окончательный же миръ съ Кореей заключилъ уже Еясу въ 1605 году.

По смерти Хидэ Ёси остался его малолѣтній наслѣдникъ Хидэ Ёри. Но власть быстро захватилъ Еясу—бывшій самымъ сильнымъ лицомъ въ странѣ. Въ 1603 г. онъ былъ провозглашенъ Сьёгуномъ.

И раньше и послѣ того Еясу приходилось вести жестокою междуусобную войну за власть со сторонниками низвергнутаго Хидэ Ёри и съ самимъ Хидэ Ёри, когда онъ возмужалъ. При этомъ—на сторонѣ Хидэ Ёри невольно оказывались и Христиане, какъ напримѣръ знаменитый полководецъ Кониси, который держался стороны Хидэ Ёри, вѣроятно, изъ вѣрности бывшему своему начальнику. Наоборотъ—Еясу всегда имѣлъ на своей сторонѣ бонзъ. Такимъ образомъ, когда Еясу побѣдилъ—онъ уже и въ партійномъ отношеніи долженъ былъ явиться врагомъ Христианъ. Но это было и по существу неизбежно.

Еясу—былъ глубокой выразитель духа Японіи, проникнутой Конфуціанской философійю, и явился даже теоретикомъ водворяемаго Сьёгунскаго строя. Онъ оставилъ своему дому знаменитое завѣщаніе въ которомъ наложилъ свою систему управления. Завѣщаніе это осталось на два столѣтія катихизисомъ Сьёгуновъ. Въ правилахъ Еясу не мало тонкихъ наблюдений, но въ общемъ они всецѣло проникнуты конфуціанскимъ практицизмомъ, узкимъ націонализмомъ и запечатлѣны отрицаніемъ какого бы то ни было великаго идеалистическаго элемента. Японія, нѣкогда синтоистическая, потомъ ставшая буддистскою, въ это время прониклась конфуціанствомъ, съ примѣсю того исключительнаго націонализма, который всегда составлялъ отличительную черту этой слишкомъ наолитрованной страны, выросшей почти внѣ всякаго понятія о челоѣчествѣ.

Дѣятель, выразившій духъ конфуціанской Японіи, не могъ конечно не быть принципиальнымъ врагомъ Христианства, съ его проповѣдюю идеальной личности и всечелоѣчности.

И дѣйствительно при Еясу, въ 1611 году, были изданы строжайшія узаконенія противъ Христианъ.

Въ это то время и произошло странное сплоченіе Христианъ вокругъ потомства ихъ злѣйшаго врага—Тайко Сама. Ихъ сближало гоненіе со стороны общаго врага. Когда Еясу умеръ, въ 1616 году, убитый какимъ-то политическимъ врагомъ, оставшимся ненавѣстнымъ—Японіей продолжалъ править долго Токугава, а потомки Тайко Сама жили въ изгнаніи до послѣдней попытки Хо-Тей, при которой, въ Симабарскомъ замкѣ, были окончательно раздавлены какъ потомство Тайко Сама, такъ и помогавшіе ему Христиане.

предлогомъ, для соблазна его подданныхъ и приведенія ихъ подъ владычество Испаніи. На взглядъ нѣкоторыхъ это предположеніе не казалось невѣроятнымъ. Тогда Императоръ, желая обезпечить свои владѣнія отъ враждебныхъ замысловъ чужестранныхъ королей, издалъ 4-го Августа 1639 года чрезвычайно строгій указъ противъ Португальцевъ. Онъ запрещалъ имъ подъ страхомъ смерти и конфискаціи всѣхъ ихъ товаровъ высаживаться на берегъ въ Японіи и входить въ какія-нибудь сношенія съ ея обитателями.

Португальцы изъ Макао, жившіе исключительно торговлей, рѣшили отправить къ Императору великолѣпное посольство, чтобы добиться возобновленія коммерческихъ сношеній. Они избрали четырехъ наиболѣе значительныхъ лицъ въ городѣ. Это были: Людовикъ Паэсъ Пачеко, нѣкогда командовавшій португальской арміей; Родриго Санхеъ де Породось, Гонзалесъ Монтейро де Кавалло, и Симонъ Вазъ де Павіа; люди выдающіеся и важные. Двое изъ нихъ занимали прежде должность посланниковъ въ Японіи. Всѣ они приняли на себя эту миссію изъ духа преданности своей вѣрѣ и отечеству.

Узнавъ объ ихъ прибытіи, губернаторъ Нагасаки тотчасъ же послалъ значительный отрядъ солдатъ съ переводчиками узнать, кому принадлежитъ приставшій къ порту корабль, откуда онъ пришелъ, сколько на немъ людей и вооружены ли они, наконецъ, по какому поводу они прибыли въ Японію, несмотря на запрещеніе Сьёгуна.

Когда иностранцы отвѣтили, что они—посланники, отправленные для заключенія съ Императоромъ торговаго договора, этотъ чиновникъ сначала отнесся къ нимъ чрезвычайно благожелательно, и обѣщалъ употребить въ ихъ пользу все свое вліяніе. Однако онъ велѣлъ снять съ корабля румпель и свезти на берегъ пушки. Онъ обѣщалъ послать, что позволить имъ на другой день ѣхать куда угодно. Но какъ только они сошли на берегъ, ихъ всѣхъ немедленно арестовали съ девяносто членами ихъ свиты.

Губернаторъ заперъ ихъ въ просторномъ помѣщеніи подъ крѣпкой стражей. Продолжая играть роль покровителя и друга, онъ убѣдилъ ихъ открыть ему цѣль посольства, чтобы онъ могъ извѣстить объ этомъ Императора. Тогда они составили записку, съ просьбой отослать ее въ Иедо, которая и была немедленно отправлена по назначенію.

Емицу, извѣщенный о томъ, что въ одинъ изъ его портовъ прибылъ португальскій корабль, былъ охваченъ такимъ ужасомъ, что тотчасъ же послалъ въ Нагасаки двухъ придворныхъ съ приказаніемъ умертвить посланниковъ и ихъ свиту.

Но прибытіи курьеровъ былъ составленъ судъ подъ предсѣдательствомъ губернатора и арестованныхъ привели предъ лицо судей. Рѣшеніе послѣднихъ было уже заранѣе определѣно. Президентъ снова спросилъ у пословъ, почему они нарушили императорскій эдиктъ и прѣехали въ Японию, несмотря на запрещеніе Сьегуна.—„Этотъ эдиктъ, отвѣчали они, касается только торговыхъ судовъ; а мы прибыли не въ качествѣ купцовъ, а какъ посланники для веденія съ Государемъ переговоровъ о возобновленіи международныхъ сношеній“.

Тогда имъ прочли эдиктъ 1639 года, въ переводѣ на португальскій языкъ, въ томъ видѣ, какъ онъ посланъ былъ въ Макао. Они должны были сознаться, что запрещеніе простирается на всѣхъ ихъ соотечественниковъ, безъ различія званій. Затѣмъ, объявляя свое рѣшеніе, судьи сказали, что Португальцы, какъ нарушившіе законъ, всѣ осуждаются на казнь черезъ отсѣченіе головы. Исключаются только нѣсколько человѣкъ, которые будутъ посланы въ Макао съ извѣщеніемъ о происшедшемъ и съ предупрежденіемъ, что впредь такъ будутъ поступать со всѣми, кто осмѣлится ступить на японскую территорію.

Четверо посланниковъ и ихъ свита были обезглавлены на Горѣ Мучениковъ близъ Нагасаки. Говорятъ, имъ предлагали жизнь цѣною отреченія отъ вѣры, но они отказались, готовые съ радостью умереть за Христа. Кажется, японцы подозрѣвали, что послы или сами носятъ духовный санъ, или скрываютъ священниковъ въ своей свитѣ. По крайней мѣрѣ японцы часто спрашивали объ этомъ пословъ, добиваясь, не было ли среди нихъ какого-нибудь проповѣдника Евангелія.

Когда осужденные прибыли на мѣсто казни, изъ нихъ выбрали тринадцать человѣкъ, которые должны были вернуться въ Макао. Тогда Гонзальвъ Монтейро сказалъ имъ:

— „Португальцы, вы знаете меня и моихъ родныхъ, вы будете свидѣтелями въ томъ, что я съ радостью умираю за

католическую вѣру. Не забудьте же извѣстить объ этомъ моихъ согражданъ“. Потомъ они всё опустили на колѣни и поцѣловали эту чуждую землю, уже орошенную кровью столькихъ мучениковъ.

Стража раздѣлила ихъ на три группы такого состава:

Въ первой находились четыре посланника со своими слугами, Кастильцами и Португальцами. Во второй—китайскіе матросы и корабельная прислуга. Въ третьей—тринадцать пощаженныхъ лицъ.

Послѣднихъ поставили на сосѣднемъ холмѣ, чтобы они могли видѣть казнь и передать о ней со всѣми подробностями своимъ соотечественникамъ. Такъ называемыхъ преступниковъ вели по меньшей мѣрѣ одно лье пѣшкомъ, съ веревкой на шеѣ, съ руками, связанными за спиной. О шествіи возвѣщаль трубачъ, шедшій впереди съ большимъ развернутымъ листомъ бумаги, гдѣ былъ написанъ приговоръ. Но никто не оказалъ имъ никакого оскорбленія и даже стража и переводчики относились къ нимъ съ уваженіемъ.

Въ числѣ осужденныхъ находился ребенокъ одиннадцати лѣтъ. Когда губернаторъ далъ знакъ, палачи обнажили сабли и приблизились каждый къ своей жертвѣ. Всѣ несчастные разомъ воскликнули:—„*Jesu, Maria!*“ и ихъ головы скатились на землю, уже столько разъ обогрязшуюя португальской кровью.

По окончаніи казни переводчики обратились къ исполненнымъ ужаса зрителямъ и сказали имъ отъ лица губернатора и офицеровъ Съёгуна:—„Возвращайтесь теперь въ Макао и расскажите вашимъ согражданамъ, что эти доблестные христіане умерли мужественно за свою вѣру“. Число жертвъ, не считая ребенка, равнялось шестидесяти. Всѣ они умерли съ непреклонной твердостью.

Печальные вѣстники были вновь отведены въ тюрьму. На другой день губернаторъ приказалъ вынести на палубу португальскаго корабля подарки, предназначенные для Императора, и всю утварь и пожитки экипажа и выдать плѣннымъ все необходимое для пути; потомъ—слѣдуя Императорскому приказу—онъ велѣлъ все снова снести въ корабль и зажечь его въ присутствіи несчастныхъ, оставшихся въ живыхъ португальцевъ.

Послѣ этого губернаторъ велѣлъ отвести плѣнныхъ на

мѣсто казни, гдѣ имъ показали головы товарищей, разложенныя рядами на столахъ. Затѣмъ ихъ посадили на японское судно.

Что же касается до погребенія несчастныхъ обезглавленныхъ португальцевъ, оно происходило такимъ образомъ. Тѣла были зарыты въ землю около маленькаго домика; на этомъ мѣстѣ водрузили столбъ и прибили къ нему слѣдующее объявленіе Императора:

„На будущее время, доколѣ солнце будетъ освѣщать вселенную, пусть никто не смѣетъ проникать въ Японію, даже въ санъ Посланника. И пусть никто, подъ страхомъ смерти не дерзнетъ отмѣнить этого указа“.

По прибытіи судна, везшаго тринадцать Португальцевъ, весь городъ Макао огласился плачемъ и рыданіями. И дѣйствительно, послѣ столькихъ лѣтъ самаго радушнаго приѣма въ этой странѣ, какое неожиданно тяжкое впечатлѣніе должна была произвести эта расправа! Но когда стало извѣстно, что посланники погибли главнымъ образомъ за вѣру и пролили добровольно кровь, всѣ отерли слезы, и поспѣшили на торжественный молебень, отслуженный Прелатомъ и на различныя празднества, которыя устраивались въ продолженіе двадцати дней въ честь несчастныхъ посланниковъ и ихъ спутниковъ. Въ то же время звонили во всѣ колокола собора и приходскихъ церквей и стрѣляли изъ крѣпостныхъ и корабельныхъ пушекъ. Это было утѣшеніемъ для несчастныхъ родственниковъ и друзей убитыхъ.

Послѣ этой ужасной казни всѣ порты Японіи закрылись для европейскихъ купцовъ, священниковъ и миссіонеровъ, за исключеніемъ голландскихъ торговцевъ.

Послѣ смерти отца Мастрильи въ Японіи оставалось только пять Іезуитовъ; всѣ остальные, въ числѣ восьмидесяти чело-вѣкъ были казнены. Въ Макао очень многіе изъ Іезуитовъ пламенно стремились въ Японію на смерть. Но, послѣ казни посланниковъ, городскія власти начали противиться этому. Одинъ изъ отцовъ Іезуитовъ, Антоній Рюбенъ, получилъ въ это время изъ Рима письма, назначившія его Главнымъ Наблюдателемъ Японіи и Китая. Это важное назначеніе не возбудило въ немъ гордости, но удвоило жажду мученичества и мужество. Были употреблены всѣ возможныя усилія удержать его. Тѣмъ не менѣе онъ отплылъ пятаго Іюля

1642 года съ четырьмя монахами своего ордена. Переодѣтые китайцами, они выѣхали на маленькомъ суднѣ, которое португальскій губернаторъ приказалъ экипировать подъ предлогомъ поѣздки на островъ Формозу, 12-го Августа пристали у маленькаго острова въ королевствѣ Сацумѣ.

Здѣсь они выстроили для себя хижину; но немного дней спустя были открыты, арестованы и отведены въ Нагасаки. Въ тюрьмѣ ихъ допрашивалъ отступникъ Іезуитъ, служившій переводчикомъ. Японскій губернаторъ предложилъ имъ отречься отъ вѣры и Христа и принять мѣстную религію, обѣщая имъ со стороны Императора всѣ преимущества какихъ только они могли бы желать. Послѣ долгихъ переговоровъ ихъ предали на мученія, бывшія чрезвычайно продолжительными и жестокими. Семь мѣсяцевъ страданій не избавили ихъ отъ казни въ ямѣ. Ихъ отвели туда со всѣми знаками униженія, о которыхъ мы уже упоминали. Они обняли свои висѣлицы, счастливы умереть, подобно князю апостоловъ, головою внизъ.

Эта новая казнь происходила 22 марта 1642 года. Главный Наблюдатель умеръ первымъ, послѣ шести дней мученія. Потомъ отецъ Альбертъ Месинскій, Антоній Капери, Іаковъ де Моралець и Францискъ Маркець вскорѣ послѣдовали за ними. Ихъ тѣла такъ же, какъ Мастрильи, Віейры и многихъ другихъ миссіонеровъ, были сожжены, а пепель брошенъ въ море.

Съ 1643 года одни Голландцы привозили въ Европу вѣсти о Японіи. Отецъ Александръ Родосскій, пріѣхавшій въ Римъ, чтобы извѣстить Генерала о положеніи христіанства въ Японіи, Китаѣ, Кохинхинѣ, Тонкинѣ, Макассарѣ и Малаккѣ, говоритъ въ своемъ Описаніи Индіи, что въ Японской Имперіи не оставалось болѣе Іезуитовъ, которые всѣ были преданы жестокой смерти.

Въ 1651 году умеръ Емицу преслѣдователь христіанъ. Такъ какъ противъ нихъ не было выпущено никакого эдикта то у нихъ возникли нѣкоторыя надежды. Іедосскій Дворъ, видя, что введенный покойнымъ Императоромъ обычай попирать ногами крестъ, очень подорвалъ торговлю, думалъ одно время его отмѣнить. Слухъ объ этой перемѣнѣ ободрилъ какъ купцовъ, радовавшихся предстоящей имъ прибыли, такъ и жадныхъ до прозелитизма миссіонеровъ. Уже многіе изъ Пор-

тугальцевъ мірянъ и монаховъ собирались вернуться въ Японію, какъ японскіе министры вдругъ измѣнили свое отношеніе и объявили себя непримиримыми врагами христіанъ. Не желая терпѣть присутствія въ государствѣ ни священниковъ, ни монаховъ, ни Испанцевъ, ни Португальцевъ, они возобновили строжайшимъ образомъ запрещеніе пропускать кого бы то ни было изъ нихъ.

Все осталось въ прежнемъ положеніи.

Японская земля, лишившаяся своихъ вѣрующихъ, апостоловъ и мучениковъ, осталась бесплодной для Церкви, ожидаясь того дня, когда христіанскія націи, достигнувъ высшаго могущества, осуществятъ и въ ней обѣщанное христіанству всемірное владычество ²³⁾.

²³⁾ Невѣрно говорить о полномъ истребленіи христіанства въ Японіи. Никакія казни и преслѣдованія не искоренили вполне сѣмянъ, посѣянныхъ Францискомъ-Ксаверіемъ. Въ эпоху Сьёгуната правительство время отъ времени открывало Христіанъ, истребляло ихъ, а затѣмъ оказывалось—что они все-таки существуютъ... Въ книгѣ Архимандрита Сергія (нынѣ Епископа) о Японіи, первоначально помѣщенной на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“, приведены трогательныя картины ужасной жвани, на которую католики, тщательно скрывавшіе свою вѣру и принуждаемые ежегодно къ попиранію ногами иконъ, были болѣе 200 лѣтъ осуждены въ Японіи.

Въ „Исторіи Японской литературы“ Астона приведенъ любопытный рассказъ о попыткѣ миссіонера Сидотти проникнуть въ Японію въ 1708 году. Онъ высадился въ Сацумѣ, но былъ немедленно арестованъ. Извѣстный Японскій ученый и писатель, Хаку-сэки, получилъ порученіе допросить Сидотти и его донесеніе ярко рисуетъ узкій позитивизмъ, охватившій въ то время Японію.

Хаку-сэки съ чрезвычайной похвалой отзывается о несчастномъ миссіонерѣ, его способностяхъ и познаніяхъ научныхъ, но обнаруживаетъ абсолютную неспособность понять его вѣру. „Когда, говоритъ Хаку-сэки, этотъ человѣкъ начинаетъ говорить о религіи—рѣчь его дѣлается неглубокой и едва можно понять одно слово. Внезапное безуміе занимаетъ мѣсто мудрости“... Безуміемъ для Японца являлось именно Христіанское вѣроученіе. Хаку-сэки въ своемъ докладѣ подвергаетъ его очень характеристической критикѣ:

„Иностранное слово Дѣусу, которое западный человѣкъ употребляетъ въ своей бесѣдѣ, говорить онъ, равносильно слову Создатель, и обозначаетъ просто существо, создавшее впервые небо, землю и десять тысячъ вещей. Онъ (Сидотти) доказывалъ, что вселенная не могла возникнуть сама собою. „Она должна была, говорить онъ, имѣть создателя“. Но если бы было такъ, философствуетъ Хаку-сэки, то кто же въ такомъ случаѣ сотворилъ Дѣусу? Какимъ образомъ онъ могъ быть рожденъ, когда

не было еще ни неба, ни земли? И если Даусу могъ возникнуть въ существованіе самъ собою, то почему не должно быть то же самое для неба и земли?" Ученіе объ искупленіи также было нѣтъ всякаго пониманія для Японскаго ученаго.

„Какой, говоритъ онъ, можетъ быть смыслъ въ идеѣ, что Даусу, жалѣя грѣшныхъ преступниковъ, которые нарушили небесныя заповѣди, и которые не могли сами искупить своей вины, былъ три тысячи лѣтъ спустя рожденъ въ лицѣ Эйдаусу (Исуса) ради нихъ и искупилъ ихъ вину вмѣсто ихъ самихъ? Это звучитъ по-дѣтски. Въ настоящее время судья, который обязанъ налагать наказаніе, можетъ еще принимать во вниманіе смягчающія обстоятельства и даровать прощеніе или смягченіе. И даже относительно небесныхъ заповѣдей, что мѣшало Даусу простить нарушеніе ихъ или смягчить наказаніе, тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ творцомъ запрещенія, которое было нарушено?“

Несчастный миссіонеръ, разсыпавшій свой бисеръ передъ японскимъ ученымъ, долженъ былъ быть казненъ. Но Хаку-сэки рекомендовалъ смягченіе наказанія—въ видѣ вѣчнаго заключенія. Сидотти былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ и скончался...

Послѣднее гоненіе на Христіанъ произошло въ 1860 году. Власти неожиданно для себя открыли ихъ въ Нагасаки. Убіиствъ при этомъ, кажется, не было, но нѣсколько тысячъ „виновныхъ“ въ исповѣданіи запрещенной религіи были сосланы на сѣверъ Японіи. Это преслѣдованіе продолжалось недолго: уже наступали времена реформы Японіи.

Собственно Римская Церковь пыталась возстановить свой викаріатъ въ Японіи еще въ 1846 году. Но возможность дѣйствія и организаціи открылась для Римской миссіи лишь въ 1873 году. Возвратившіеся миссіонеры нашли уцѣлѣвшіе остатки Японскихъ католиковъ почти утратившими понятіе объ истинномъ существѣ Христіанства, но несокрушимо твердыми въ соблюденіи всего, что еще на забыли за два вѣка подпольнаго существованія. Такимъ образомъ Съѣгунатъ не побѣдилъ вполне проповѣдниковъ вѣры, и дѣло послѣднихъ дождалось—таки лучшихъ временъ. Теперь Католическая церковь насчитываетъ въ Японіи свыше 52,000 вѣрующихъ, и имѣетъ Архіепископа Токійскаго и трехъ Епископовъ: въ Осакѣ, Нагасаки и Хакодате. Въ числѣ миссіонеровъ большинство Европейцевъ, но есть и нѣсколько десятковъ Японцевъ, преимущественно изъ старохристіанскихъ семействъ, пережившихъ эпоху гоненій.

Л. Т.